

После кризиса: роль устойчивости для того, чтобы вернуться более сильными

Джулия Ферраро

Женевский центр политики безопасности, <https://www.gcsp.ch/>

Резюме: Мир вступил в период усиления напряженности, отмеченной более тяжелыми и частыми бедствиями, широко распространенным социально-экономическим кризисом и растущим чувством недоверия к институтам и международным правовым структурам. В эти непростые времена идея устойчивости привлекла внимание, особенно западного мира, который был шокирован пандемией Covid-19. Цель этой статьи – поместить слово «устойчивость» в контекст современных кризисов так, чтобы у международного сообщества не возникло соблазна перенаправить часть своих средств, зарезервированных на предотвращение и готовность к чему-то «новому». В частности, в статье приводятся три аргумента. Во-первых, понятие устойчивости следует правильно понимать, как проявление гибкости. Во-вторых, устойчивость – это не альтернатива предотвращению и обеспечению готовности к бедствиям, а скорее, их результат, как правильно определено в Сендайской рамочной программе. В-третьих, современные кризисы и проблемы, которые они создают, дают возможность улучшить нашу работу, вдохнуть новую жизнь в международные и внутренние системы и отношения, и в конечном итоге, двигаться вперед.

Ключевые слова: устойчивость, антикризисное управление, Сендайская рамочная программа.

Введение

Существует широко распространенное заблуждение относительно термина «устойчивость». Отправной точкой является то, что его значение меняется в зависимости от того, говорит ли человек в техническом или нетехническом смысле. Таким образом, идея устойчивости, рассматриваемая в инженерном деле, отличается от той, которую имеют в виду в социальных науках. В

этой статье автор проводит анализ, основанный на последнем значении, и рассматривает устойчивость в контексте глобальных кризисов и чрезвычайных ситуаций. Автор объясняет, как этот термин часто используется неопределенно в антикризисном управлении, вероятно, из-за нечеткого различения фаз циклов кризисного управления. Устойчивость – это не «зонтичная концепция», которая охватывает явления до, во время и после драматических событий; вместо этого она имеет место на заключительном этапе циклов кризисного управления. Такое грубое толкование термина имеет важные практические последствия, поскольку средства и ресурсы, которые следует выделять на профилактику и обеспечение готовности, могут быть неэффективно и преждевременно перенаправлены на укрепление или повышение устойчивости. Наконец, автор приходит к выводу, что устойчивость является важным понятием, поскольку оно побуждает нас изучать реальность. Другими словами, под предлогом создания или улучшения нашей способности адаптироваться к трудным ситуациям и выживать в них, мы даем себе возможность выбрать время, чтобы поразмышлять о нашем состоянии и о том, как мы хотим двигаться вперед.

В целом, статья состоит из трех частей. Во-первых, концепция устойчивости представлена через объяснение ее значения и причины, по которой она привлекла так много внимания. Во-вторых, устойчивость рассматривается в контексте кризисного менеджмента и утверждается, что Сендайская рамочная программа может быть интересной основой для дальнейшей работы по этой теме. В третьей части говорится о том, где мы находимся и куда мы идем, как взаимосвязанное и взаимозависимое общество, и в заключение включены некоторые конечные замечания.

Эластичность и кризис

Устойчивость – это умение. Хотя у всех нас разные уровни способности к такому умению, никто не рождается устойчивым. Напротив, это то, что мы приобретаем через время и опыт. Таким образом, столкнувшись с трудностями жизни в кризисные времена, международное сообщество решило изучить вопрос устойчивости и избрало ее в качестве незаменимого инструмента для нашего выживания.

Качество эластичности

Слово «устойчивость» происходит от латинского глагола *resilire* – *re* является префиксом, а *salire* – это глагол прыгать, что означает подсакивать, отпрыгивать назад или отскакивать.¹ С научным прогрессом XVII века латинское прилагательное *resiliens* начало означать не только то, что отскакивает, но и

¹ James Morwood, *The Pocket Oxford Latin Dictionary* (Oxford: Oxford University Press, 2012).

то, что может растягиваться и восстанавливать свою форму.² Таким образом, в своем первоначальном значении – которое до сих пор применяется в технических областях, таких как инженерное дело, – устойчивость представляет собой способность тела поглощать энергию от удара другим телом, сгибаться или сжиматься, а затем возвращаться к своей исходной физической структуре.³ Однако, со временем слово «устойчивость» перешло в другие, не связанные с техническими науками, области, в конечном итоге превратившись в нечто большее, чем присущее неодушевленным предметам свойство эластичности. В частности, оно стало символизировать качество сохранения целостности и цели, несмотря на драматические события. В корпоративном управлении устойчивость стала «внутренней способностью организации (системы) поддерживать или восстанавливать динамически стабильное состояние, которое позволяет ей продолжать работу после серьезного происшествия и/или в условиях постоянного стресса»;⁴ в экологии – «способность системы, предприятия или человека сохранять свою основную цель и целостность перед лицом резко изменившихся обстоятельств».⁵ Однако, одна из самых интересных точек зрения представлена в психологии, где устойчивость была определена, как нечто большее, чем способность восстанавливаться и обновляться сталкиваясь с трудностями. Здесь ожидается, что устойчивые субъекты сохраняют свою целостность и возвращаются в свое первоначальное состояние, *по крайней мере*, таким же сильными, какими они были до того, как произошло существенное событие.⁶ Эта интерпретация несет в себе аспект потенциального улучшения – *становления лучше и сильнее* – через способность людей использовать негативные события и реализовать позитивные и устойчивые изменения внутри и вокруг них.

Независимо от сферы использования, качество эластичности остается фундаментальным фактором, когда мы говорим об устойчивости. Таким образом, важно провести четкое различие между устойчивостью и сопротивлением, которые часто используются как синонимы, хотя имеют разное значение. Последнее указывает на гибкость. Оно предполагает приложение

² “L’elasticità di Resilienza,” Risposta ai Questiti, Accademia della Crusca, last modified December 14, 2014, <https://accademiadellacrusca.it/it/consulenza/lelasticit%C3%A0-di-resilienza/928>.

³ Krista S. Langeland, David Manheim, Gary W. McLeod, and George Nacouzi, *How Civil Institutions Build Resilience: Organizational Practices Derived from Academic Literature and Case Studies* (Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2016), 5-9.

⁴ Karl E. Weick and Kathleen M. Sutcliffe, *Managing the Unexpected, Resilient Performance in an Age of Uncertainty* (San Francisco, CA: John Wiley, 2001), 14, citing Constance Perin, *Shouldering Risks: The Culture of Control in the Nuclear Power Industry* (Princeton: Princeton University Press, 2006), 267.

⁵ Langeland, et al., *How Civil Institutions Build Resilience*, 5.

⁶ “L’elasticità di Resilienza.”

силы к объекту, который сопротивляется этой силе, например к дереву, которое сгибается, чтобы противостоять сильному ветру. Однако, если давление будет слишком большим, тело может сломаться. Первое, как объяснялось выше, является формой эластичности. Тело не сопротивляется удару, а скорее поглощает энергию, гасит ее и в конечном итоге принимает первоначальную форму. Еще одно важное соображение касается интерпретации устойчивости применительно к не-неодушевленным объектам, таким как люди, и всем субъектам, которые органически связаны с людьми и зависят от них, например, к организациям и государствам. В этом контексте устойчивость становится умением, которое позволяет нам адаптироваться к сложным ситуациям и выходить из них более совершенными. Это не вопрос о теле, которое может физически сгибаться, а затем приходиться в нормальную форму; скорее, это подразумевает более абстрактное представление об эластичности. Это способность поддерживать основную целостность и цель, делать выводы и адаптироваться к ситуации, реорганизовывать и затем начинать заново. Это не что-то врожденное для людей или человеческих субъектов. Напротив, это зависит от объема работы и усилий, которые на это затрачиваются. Это также подтверждается языком, который обычно ассоциируется с устойчивостью: вы не раскрываете свою устойчивость; вы *создаете* или *улучшаете* ее. Таким образом, устойчивость позволяет нам двигаться вперед после разрушительных событий в качестве улучшенных организаций, при условии, что мы инвестируем в это. Устойчивость требует работы и самоотверженности, поэтому мы должны стремиться к ней. Если для ее достижения не прилагается никаких усилий, то мы не становимся сильнее, и мы остаемся в той же точке, в которой были до того, как нас потрясло драматическое событие.

Открытие устойчивости во времена кризиса

Заголовки новостей яростно привлекают наше внимание к растущему числу кризисов, чрезвычайных ситуаций и угроз, с которыми мы сталкиваемся. Существенные разрушительные события происходят чаще, с большей силой и часто одновременно.⁷ В таком сложном ландшафте призыв к устойчивости неизбежно достиг области социальных наук.⁸ В 2016 году члены Организации Североатлантического договора (НАТО) согласовали подход, ориентированный на устойчивость, чтобы противостоять крупным потрясениям и угрозам и восстанавливаться после них.⁹ Они подписали Обязательство по повышению устойчивости, в котором устойчивость определяется в параграфе 1 как «основа надежного сдерживания и эффективного выполнения

⁷ United Nations Office for the Coordination of Humanitarian Affairs, *Global Humanitarian Overview 2020* (Geneva: OCHA Geneva, 2019), 17-19.

⁸ Eugenio Cusumano and Stefan Hofmaier, *Projecting Resilience Across the Mediterranean* (Cham: Palgrave Macmillan, 2020), 5.

⁹ "Commitment to Enhance Resilience," *E-Library*, NATO, последнее изменение 8 июля 2016, https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133180.htm.

основных задач Североатлантического союза». ¹⁰ Организацию Объединенных Наций (ООН) также увлекла идея устойчивости. В 2013 году Центральный фонд реагирования на чрезвычайные ситуации Организации Объединенных Наций опубликовал документ с изложением позиции, в котором устойчивость описывается как «желательное конечное состояние» для сообществ и домашних хозяйств, которые могут переживать стрессы и потрясения, ¹¹ а в 2011 году Программа развития ООН опубликовала отчет, в котором обсуждалась роль устойчивости для обеспечения стабильности экономики в развивающихся странах. ¹² Европейский союз (ЕС) также включил устойчивость в свою Глобальную стратегию Европейского союза от 2016 года, при этом устойчивость повышена до статуса руководящего принципа внешних действий ЕС. ¹³

Это лишь некоторые из множества примеров того, как концепция устойчивости стала частью работы международного сообщества. К сожалению, такое большое количество идей и обязательств также привело к большой путанице. Это связано с тем, что способ толкования термина «устойчивость» и то, что она должна обеспечивать, различаются от одной организации к другой. ¹⁴ Для НАТО устойчивость служит цели сохранения способности ее членов противостоять нападениям, тем самым выполняя статью 3 Вашингтонского договора. ¹⁵ При таком понимании устойчивость – это податливость и гибкость, а не эластичность, что приводит к утрате основных характеристик поглощения и демпфирования энергии.

Более того, такая интерпретация не несет в себе идеи способности позитивного роста перед лицом трудностей, оставаясь зацикленной на жестких гарантиях защиты. У ЕС и ООН, похоже, другая миссия. Они приветствовали более широкое понятие устойчивости, поднимая некоторые вопросы о том,

¹⁰ “Commitment to Enhance Resilience.”

¹¹ “Position Paper on Resilience,” *United Nations Office for the Coordination of Humanitarian Affairs*, последнее изменение 11 мая 2013, https://cerf.un.org/sites/default/files/resources/OCHA%20Position%20Paper%20Resilience%20FINAL_0.pdf.

¹² “Towards Human Resilience: Sustaining MDG Progress in an Age of Economic Uncertainty,” *United Nations Development Programme*, последнее изменение 3 ноября 2015, https://www.undp.org/content/undp/en/home/librarypage/poverty-reduction/inclusive_development/towards_human_resiliencesustainingmdgprogressinanageofeconomicun.html.

¹³ “Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union’s Foreign and Security Policy,” European External Action Service, EUGS, последнее изменение, 2016, https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eugs_review_web_0.pdf.

¹⁴ Cusumano and Hofmaier, *Projecting Resilience Across the Mediterranean*, 5.

¹⁵ «Для более эффективного достижения целей настоящего Договора стороны, по отдельности и совместно, посредством постоянной и эффективной самопомощи и взаимопомощи, будут поддерживать и развивать свою индивидуальную и коллективную способность противостоять вооруженным нападениям». North Atlantic Treaty art 3, Apr. 4, 1949, 63 Stat. 2241, 34 U.N.T.S. 243.

может ли это слово иметь разные значения в зависимости от контекста, в котором оно используется.¹⁶ Также стоит отметить, что и ООН, и ЕС обязались использовать концепцию устойчивости во всех обществах и регионах, что является очень амбициозной целью.

Устойчивость после кризисов

Между готовностью и устойчивостью существует тесная связь. Соответственно, они определяют начало и конец циклов антикризисного управления. Однако устойчивость часто неверно истолковывают, как «сплошное» понятие для всех фаз. Такая ошибка означает, что ресурсы тратятся впустую, в то время как мы также упускаем возможность для улучшения. Хотя идеальных схем пока нет, Сендайская рамочная программа может стать интересным шагом в правильном направлении.

Циклы антикризисного управления и устойчивость

О кризисе можно говорить, когда есть три элемента.¹⁷ Во-первых, должна существовать угроза целостности/охвату объекта. Во-вторых, время на принятие решения ограничено. В-третьих, объем производимой информации настолько велик, что ее систематическая обработка оказывается сложной задачей. Однако время *само по себе* не определяет, наступит ли кризис.¹⁸ Как внезапные (например, кибератаки), так и затяжные (например, изменение климата) события могут удовлетворять условиям, упомянутым выше, и привести к разрушительным обстоятельствам. Чтобы разрешать такие ситуации организованным и эффективным образом, можно использовать схемы антикризисного управления. Идея состоит в том, чтобы разделить задачи по трем временным рамкам: «до», «во время» и «после» кризиса.¹⁹ Само собой разумеется, что распределение времени и задач не установлено, но во многом зависит от суждений и чувствительности тех, кто участвует в реализации этих циклов. То есть вы переходите к следующему этапу плана антикризисного управления всякий раз, когда это уместно, исходя из конкретных обстоятельств рассматриваемого дела. Хотя это заявление может показаться расплывчатым и необязательно полезным, оно дает нам возможность задуматься над тем фактом, что кризисы, подобные тем, которые проверяют охват задач и целостность государств и населения, являются исключительными обстоятельствами, которые требуют руководителей и профессионалов высокого уровня, чтобы с ними справлялись должным образом.

Предкризисный этап начинается с предотвращения [потенциальных ситуаций] и обеспечения готовности и заканчивается предупреждением о

¹⁶ Cusumano and Hofmaier, *Projecting Resilience Across the Mediterranean*, 7.

¹⁷ Christer Pursiainen, *The Crisis Management Cycle* (London: Routledge, 2017), 2.

¹⁸ Pursiainen, *The Crisis Management Cycle*.

¹⁹ Pursiainen, *The Crisis Management Cycle*.

кризисе.²⁰ Этой фазой предвидения часто пренебрегают, поскольку широко распространено мнение, что лучше воздержаться от вмешательства до тех пор, пока не возникнут какие-либо потенциальные ситуации.²¹ Хотя каждый, безусловно, имеет право организовать свои ресурсы по своему усмотрению, и в идиоме «Я перейду через этот мост, когда дойду до него» есть мудрость, решение не вкладывать средства в дальновидное планирование обходится дорого. Серьезный подход к предотвращению кризисов и обеспечению готовности может значительно смягчить непосредственное воздействие и последующие последствия драматических событий.

Вторая фаза связана с ответом.²² Этот этап может развиваться очень быстро и охватывает время от раннего предупреждения до реакций и действий по восстановлению. Хотя некоторые решения могут быть основаны на предыдущих результатах действий по предотвращению и готовности (например, активация планов обеспечения непрерывности бизнеса), наиболее важные решения принимаются именно на этом этапе. Работать по многим важным вопросам одновременно (например, ставить стратегические цели, распределять и перераспределять ресурсы, возглавлять команды, узнавать об изменении интересов и соответствующим образом корректировать ответные меры) очень обременительно, и это, вероятно, является причиной того, почему именно эта фаза привлекает больше внимания. Затем идет третий этап, посвященный восстановлению и учебе.²³ В отличие от предыдущей динамической фазы, это момент адаптации к новым условиям, когда возобновляется коммуникационный поток и извлекаются уроки. Именно в контексте этой последней фазы мы находим устойчивость. Ведь это может быть только эластичность и возврат к исходной форме после того, как событие произошло.

Тем не менее, если верно, что устойчивость – это способность «рассеять энергию и отскочить обратно» от сложных обстоятельств, это только одна часть картины. Как было показано в предыдущем параграфе, устойчивость не-неодушевленных субъектов также влечет за собой идею вернуться сильнее, чем раньше. Чтобы обрести такую силу, субъекту нужно сделать паузу, оценить ситуацию, адаптироваться к новой реальности и оценить, как все можно изменить к лучшему. Таким образом, устойчивость – это качество, для развития которого необходимо время и понимание, а это предварительные условия, которые очень трудно осуществить во время кризиса. С другой стороны, слишком долгое ожидание, чтобы выполнить такое упражнение на рефлексию и обновление, обычно приводит к тому, что его вообще не делают. По этим причинам было бы неэффективно размещать

²⁰ Pursiainen, *The Crisis Management Cycle*.

²¹ Patric Lagadec and Benjamin Topper, “How Crises Model the Modern World,” *Journal of Risk Analysis and Crisis Response* 2, no. 1 (2012): 21-33.

²² Lagadec and Topper, “How Crises Model the Modern World.”

²³ Lagadec and Topper, “How Crises Model the Modern World.”

устойчивость где-либо, кроме как в конце цикла антикризисного управления. Устойчивость – это то, над чем мы можем и должны работать, но мы должны инвестировать в нее в нужное время. Было бы нежелательно выделять и тратить ресурсы на проекты по обеспечению устойчивости в то время, когда мы заняты другими не менее важными задачами.

Сендайская рамочная программа

В 2015 году Организация Объединенных Наций приняла Сендайскую рамочную программу по снижению риска бедствий на 2015–2030 годы.²⁴ В соглашении, состоящем из семи глобальных целей²⁵ и четырех приоритетов для действий,²⁶ содержится призыв к более инклюзивному и последовательному подходу к урегулированию кризисов. Задача двоякая. С одной стороны, программа направлена на то, чтобы переключить внимание с реагирования на чрезвычайные ситуации (второй этап) на снижение рисков и управление ими (первый этап). С другой стороны, она стремится обеспечить глобальное согласование способов антикризисного управления. Другими словами, Сендайская рамочная программа направлена на содействие универсальному подходу, при котором движущие силы кризисов («опасности, уязвимости и уязвимые стороны»)²⁷ выявляются, предотвращаются и уменьшаются до возникновения серьезных событий. Идея состоит в том, что кризисов можно избежать, предотвратить или, по крайней мере, ограничить, уделяя больше внимания их коренным причинам, требуя от всех участников объединения усилий.

В контексте Сендайской рамочной программы устойчивость упоминается как третий приоритет действий – *инвестирование в снижение риска бедствий для обеспечения устойчивости*.²⁸ Идея состоит в том, что важно инвестировать в работу, направленную на устранение движущих сил кризисов для повышения силы и способности «людей, сообществ, стран и их активов, а также окружающей среды», восстанавливаться после бедствий.²⁹ В

²⁴ “Sendai Framework for Disaster Risk Reduction 2015-2030,” United Nations Office for Disaster Risk Reduction, последнее изменение 18 марта 2015, www.undrr.org/publication/sendai-framework-disaster-risk-reduction-2015-2030.

²⁵ i) снижение смертности от стихийных бедствий к 2030 году; ii) уменьшить количество людей, пострадавших к 2030 году; iii) уменьшить экономические потери; iv) уменьшить ущерб от стихийных бедствий для основных товаров и услуг; v) увеличить количество государств со стратегиями снижения риска; vi) расширить международное сотрудничество; vii) расширять и улучшать ранние предупреждения.

²⁶ i) понимать риск бедствий; ii) усиление управления рисками стихийных бедствий для менеджмента рисков стихийных бедствий; iii) инвестировать в снижение риска бедствий для повышения устойчивости; iv) повысить готовность к стихийным бедствиям для эффективного реагирования и восстановления.

²⁷ “Sendai Framework.”

²⁸ “Sendai Framework.”

²⁹ “Sendai Framework.”

таком понимании устойчивость – это не альтернатива профилактике и обеспечению готовности, а их результат. Устойчивость – это «игра на конечный результат», и то, насколько хорошо пострадавшие смогут продвигаться вперед после удара кризиса, во многом зависит от работы, проделанной до того, как событие даже произошло. К сожалению, формулировка Сендайской рамочной программы расплывчата, когда речь идет об устойчивости, вероятно, потому, что в основе соглашения лежит управление рисками, а не устойчивость *как таковая*.

Далее, Сендайская рамочная программа не предлагает прямых инвестиций для повышения устойчивости; скорее, средства следует направить на мероприятия по обеспечению готовности и предупреждению, а оттуда – на проекты, связанные с обеспечением устойчивости. В условиях глобального финансового кризиса, подобного тому, который мы переживаем, можно с полным основанием усомниться в том, реалистично ли полагать, что какие-либо инвестиции дойдут до последней стадии антикризисного управления и выполнят третий приоритет для действий.³⁰ Более того, можно предвидеть, что по крайней мере некоторые из тех, кого Сендайская рамочная программа критикует за невыполнение своего обещания по устранению коренных причин бедствий, также начнут проявлять скептицизм в отношении устойчивости.³¹ Тем не менее, способность Сендайской рамочной программы привлекать внимание к более широкому спектру антикризисного управления представляет собой ценный шаг вперед и может служить основой для дальнейшей работы над подходами, ориентированными на устойчивость.

Возможность

Хотя кризисы являются константой человеческих обществ, мы становимся свидетелями растущего числа бедствий, типа черного лебедя, которые бросают вызов нашим системам и способности реагировать. В течение последнего десятилетия мы были поглощены задачей улучшения нашего понимания кризисов и связанных с ними рисков. Сегодня у нас есть возможность завершить картину, выделив пространство для устойчивости. Если не ради того, чтобы стать сильнее, мы должны это делать, потому что это хорошее упражнение на осведомленность.

«Черные лебеди» – это новая норма

В прошлом считалось, что кризисы редко бывают непредсказуемыми, и «черные лебеди» оставались исключением.³² Затем, десять лет назад, мы

³⁰ Mami Mizutori, “Reflections on the Sendai Framework for Disaster Risk Reduction,” *International Journal of Disaster Risk Science* 11 (2020): 147–151.

³¹ Ben Wisner, “Five Years Beyond Sendai—Can We Get Beyond Frameworks?” *International Journal of Disaster Risk Science* 11 (2020): 239–249.

³² Lagadec and Topper, “How Crises Model the Modern World,” 23.

поняли, что все меняется, и черные лебеди появляются чаще, чем ожидалось. Таким образом, мы стали свидетелями войн, социальных волнений, финансовых кризисов, кризисов в области здравоохранения, стихийных бедствий, технологических катастроф и промышленных катастроф, даже совпадающих друг с другом. Главный фактор, который следует учитывать при размышлениях об этой смене тенденций, – это взаимосвязанная и взаимозависимая природа сложного общества, в котором мы живем. В результате, последствия кризисов, происходящих где угодно, имеют тенденцию выходить за географические и политические границы.³³ Пандемия Covid-19 – хороший тому пример. Вспышка неизвестной болезни в Китае в конце 2019 года распространилась по миру за считанные месяцы, охватив всех – от удаленных сообществ до жителей самых доступных стран. Этот кризис в области здравоохранения также привел к возникновению гуманитарных и экономических проблем, усугубив и без того тяжелое положение многих уязвимых людей. Более того, кризис разворачивается вместе с другими чрезвычайными ситуациями, такими как сезон ураганов в Атлантике, который превышает норму, эндемический социальный беспорядок и систематические кибератаки, и это лишь некоторые из них.

Суть в том, что мы чувствуем себя хрупкими.³⁴ Мы понимаем, что будут происходить исключительные события, которые преобразуют нашу жизнь и целостность наших обществ. Чтобы ограничить головокружение от ощущения зависимости от неожиданности, мы решили изменить свое мышление и инвестировать в меры по обеспечению готовности и профилактике. К сожалению, похоже, что прогнозирование рисков и устранения факторов кризисов недостаточно. Итак, чтобы вселить больше уверенности, мы обратились к устойчивости. Действительно, утешительно думать, что мы выживем в любой чрезвычайной ситуации, мы извлечем из нее максимум пользы и выйдем из нее еще сильнее. Таким образом, представленная и контекстуализированная в нашем глобальном обществе, устойчивость становится упражнением по укреплению коммуникационных систем стран,³⁵ соглашениям между организациями и альянсами,³⁶ а также готовности сообществ.³⁷

³³ Daniel S. Hamilton, ed., *Forward Resilience: Protecting Society in an Interconnected World* (Washington, D.C.: Center for Transatlantic Relations, 2016).

³⁴ Arjen Boin, Louise K. Comfort, and Chris C. Demchak, “The Rise of Resilience,” in *Designing Resilience: Preparing for Extreme Events* (Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2020), 1-12.

³⁵ P.H. Longstaff and Sung-Un Yang, “Communication Management and Trust: Their Role in Building Resilience to “Surprises” Such as Natural Disasters, Pandemic Flu, and Terrorism,” *Ecology and Society* 13, no. 1 (2008): 3, <https://doi.org/10.5751/ES-02232-130103>.

³⁶ Anna Wieslander, “How NATO and the EU Can Cooperate to Increase Partner Resilience,” in *Forward Resilience: Protecting Society in an Interconnected World*, ed. Daniel S. Hamilton (Washington: Center for Transatlantic Relations, 2016), 137-148.

³⁷ “Sendai Framework.”

Это, несомненно, важные начинания, но насколько серьезно мы относимся к повышению устойчивости?

Не забыли ли мы что-то?

Слишком часто мы по второму разу используем уже известные данные, новости и информацию для разговоров об устойчивости. Мы также делаем это, используя время и ресурсы. То есть мы еще не уверены, что устойчивость заслуживает отдельного места. Конечно, мы говорим об этом, но между реакцией на кризис А и предотвращением/подготовкой к кризису В мы редко выделяем значимое время, чтобы подумать о том, как изменились наше состояние и окружающая среда, и как мы хотим двигаться вперед. Вместо этого мы берем часть средств из следующих программ профилактики и обеспечения готовности, по возможности резервируем время, извлекаем уроки, и это конец нынешних подходов, ориентированных на устойчивость. Автор утверждает, что этого недостаточно и, что еще хуже, это упущенная возможность. Выделить время для создания или повышения устойчивости означает найти место, где мы можем поработать над теми умениями, которые помогут нам восстановить нашу стабильность после отката от драматического события. Это не место, где вы планируете следующий кризис, это то место, где организация, система, человек или сообщество глубоко вздыхают и тщательно размышляют о том, что произошло, и о том, как они хотят двигаться вперед.

Между тем кризисы будут продолжаться. Если мы не предпримем сознательных усилий по включению устойчивости в нашу рутину антикризисного управления, мы все равно будем двигаться вперед, только немного более слепыми и более слабыми. Однако, к сожалению, мы еще не готовы серьезно отнестись к этому потенциалу для улучшения. Конечно, даже если мы будем больше инвестировать в устойчивость, нам все равно придется иметь дело с черными лебедями и спрогнозированными кризисами. Однако, если мы примем этот подход, у нас будет возможность воспользоваться этими негативными событиями и способствовать позитивному и устойчивому развитию внутри и вокруг наших систем. В частности, мы могли бы подойти к современным кризисам и проблемам, которые они порождают, как к возможности улучшить и вдохнуть новую жизнь в международные и внутренние системы и отношения. Мы должны выйти за пределы наших задних дворов и работать вместе как международное сообщество для развития транснациональных каналов обмена и поддержки, чтобы предотвратить, подготовиться и в конечном итоге выйти сильнее из сложных кризисов, с которыми мы сталкиваемся. Пока мы не осознаем, что устойчивость играет ключевую роль в обеспечении значимых и всеобъемлющих циклов антикризисного управления, наше кризисное планирование и меры реагирования на них, к сожалению, будут неполными.

Заключение

Слово «устойчивость» стало популярным в последнее десятилетие. Применительно к разным областям оно принимает нюансы, которые снова и снова придают ему немного разные значения. Тем не менее, идея, лежащая в основе устойчивости, остается неизменной, где бы ее ни применяли, и ее можно резюмировать словом «эластичность». В этой статье автор сосредоточился на идее устойчивости применительно к глобальным кризисам и поставил вопрос, что именно она означает и действительно ли она нужна в данном контексте. Признавая, что для ее достижения требуется тяжелая работа, автор пришел к выводу, что устойчивость является незаменимой и к ней следует стремиться, поскольку было бы прискорбно, если бы мы выйдем из текущих и будущих кризисов неизменными.

Обнадеживает то, что мы достаточно заинтересованы, чтобы продолжить этот разговор. Это не просто вопрос формулировок или абстрактного мышления. То, как мы принимаем решение об интерпретации и обеспечении устойчивости, оказывает реальное влияние на жизнь многих людей, целостность многих систем, планы распределения средств и, что наиболее важно, на глобальный ландшафт безопасности в целом. Мы должны обмениваться идеями, искать обратную связь и слышать, что говорят другие, поскольку это способ обострить наше критическое мышление и внести правильные изменения, чтобы способствовать прогрессу в качестве глобального и тесно взаимосвязанного сообщества.

По мнению автора, Сендайская рамочная программа представляет собой интересную возможность для того, чтобы внести ясность по вопросам устойчивости. Хотя можно утверждать, что она еще не достигла своих собственных целей и что идея устойчивости в ней несколько расплывчата, Сендайская рамочная программа является одним из немногих доступных инструментов, которые предоставляют всеобъемлющий подход к кризисам. Посредством этой концепции можно сделать больший акцент на различие между приоритетами антикризисного управления до (предотвращение и готовность) и после (устойчивость). В свою очередь, это могло бы помочь более осмысленно реагировать, по крайней мере, на некоторые проблемы, связанные с кризисами, такие как распределение ресурсов и потребность в более устойчивых решениях.

Отказ от ответственности

Выраженные здесь взгляды являются исключительно взглядами автора и не отражают точку зрения Консорциума оборонных академий и институтов изучения безопасности ПрМ, участвующих организаций или редакторов Консорциума.

Благодарности

Автор благодарит членов редакционной коллегии *Connections: The Quarterly Journal*, а также доктора Маттео Тондини, полковника (ГЦ) Лорана Куррита, дона Риккардо Баттоккио и г-на Дома Джонсона за их ценную и всегда высоко ценимую поддержку.

Connections: The Quarterly Journal, Vol. 19, 2020, вышел при поддержке правительства США.

Об авторе

Джулия Ферраро имеет образование и опыт в сфере международного права. Она начала свою карьеру в частном секторе и работала в коммерческой юридической фирме в Мельбурне, Австралия, до 2018 года, когда перешла в гуманитарную сферу. С тех пор она работала по вопросам мира и безопасности в Шри-Ланке, Колумбии и Швейцарии. На момент написания данной статьи Джулия – научный сотрудник Женевского центра политики безопасности в Швейцарии, где она участвует в проекте по обеспечению устойчивости и безопасности, а также ищет новые партнерские отношения и возможности. Джулия имеет степень магистра права в Университете Мельбурна, Австралия, и интегрированную степень магистра в Университете Каттолика дель Сакро Куоре ди Милано, Италия. Также она изучала право в Великобритании и Литве. Джулия говорит по-итальянски, по-английски, на хорошем уровне испанский, а сейчас изучает французский. *E-mail*: fg.ferrarogiulia@gmail.com